

Научная статья

УДК 94(574)+314.7.045

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Алма-Ата в 1930-е годы: советская столица национальной автономии и режимный город

Наталья Николаевна Аблажей¹
Альбина Советовна Жанбосинова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

¹ ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

² sovetuk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Аннотация

Статья посвящена трансформации места г. Алма-Ата в пространстве СССР и Казахстана в 1927–1940 гг. Сравниваются столичный и режимный статусы города в связи с переносом сюда столицы автономии и первым этапом паспортизации населения СССР. Приводятся данные о росте города и его населения, в том числе за счет миграции. Показано, что введение паспортной системы в 1933 г., а также получение позиции режимного города в 1938 г. позволило установить паспортный режим и провести несколько кампаний по выселению некоторых категорий населения, а также переселению из зон самовольной застройки в городской черте. Сделан вывод, что, несмотря на получение статуса столицы, крупнейший город Центральной Азии оставался для Центра периферией, о чем свидетельствуют темпы паспортизации Алма-Аты, долгое отсутствие статуса особого режимного города и несоответствие реального положения уровню столицы союзной республики.

Ключевые слова

столица, Алма-Ата, паспортизация, режимный город, паспортный режим, миграция

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.»

Для цитирования

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. Алма-Ата в 1930-е годы: советская столица национальной автономии и режимный город // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 127–140. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Alma-Ata in the 1930s: The Soviet Capital of National Autonomy and a Regime City

Natalia N. Ablazhey¹, Albina S. Zhanbossinova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan

¹ ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

² sovetuk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Abstract

The article examines the evolving status of Alma-Ata in the political and geographical landscape of the USSR and Kazakh autonomy during the 1930s. It presents a comparative analysis of the city's roles as both a capital and a regime city, particularly in light of Alma-Ata's designation as the capital of autonomy and the initial phase of implementing the passport system in the USSR. In addition, the article offers data on the city's growth and population increase, largely attributed to migration. It argues that the introduction of the passport system in 1933 and the establishment of Alma-Ata as a regime city in 1938 facilitated the enforcement of a passport regime. This enabled various campaigns to evict specific groups from the city and to relocate individuals living in unauthorized structures along the city's perimeter. Ultimately, the conclusion underscores that, despite its designation as an autonomous capital, Alma-Ata – Central Asia's largest city – remained peripheral to the central authority. This is evident in the gradual rollout of the passport system, the prolonged absence of a special regime city status, and the discrepancy between Alma-Ata's actual standing and its expected prominence as one of the capitals of the Soviet Union's national republics. Nevertheless, the establishment of regime status in the late 1930s serves as a testament to Alma-Ata's emerging role as a political center.

Keywords

capital, Alma-Ata, introduction of the passport system, regime city, passport regime, migration

Acknowledgements

The article was prepared as part of the scientific project AP23485356 under a grant from the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan on the topic: "Introduction of the passport system in Kazakhstan 1932–1940"

For citation

Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S. Alma-Ata in the 1930s: The Soviet Capital of National Autonomy and a Regime City. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 127–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Пространство СССР определялась не только административно-территориальным и экономическим делением, но и географией режимности. Начало появления режимных местностей в СССР относится к 1927 г., когда был выделен и нормативно прописан статус запретных пограничных полос. Выборочное введение паспортной системы в 1932–1934 гг. стало причиной выделения, вслед за пограничными, индустриальных и транспортных зон, а также режимных городов, у части из которых даже прилегающие к ним территории имели аналогичный статус. Пик роста числа режимных городов в СССР относится к рубежу 1930–1940-х гг. Атомный проект привел к появлению так называемых «закрытых» городов, многие из которых сохранили этот статус до сих пор. К 1953 г. полностью режимными были пять регионов СССР, а общее количество таких регионов и городов достигло 340 [Лаврентий Берия..., 1999, с 43–46]¹. Таким образом, к началу 1950-х гг. столицы союзных республик, административные центры автономий и регионов, а также почти все крупные города страны имели этот статус.

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства, поэтому эта тематика вызывает повышенный интерес. Ключевые аспекты первого этапа паспортизации в СССР затронуты в работах как исто-

¹ Со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 159. Л. 152–165.

риков, так и юристов (см. [Попов, 1996; Тарасов, 2005; Байбурин, 2017; Moine, 1997; Муан, 2009; Kessler, 2001; Биксби, 2025] и др.). Дискуссия связана с выявлением основных этапов генезиса советской паспортной системы. Импульсом к ней послужило заключение о наличии ограничений и даже репрессий по паспортным основаниям, на что первым обратил внимание российский исследователь В. Попов [1996]. Хотя данный вывод и не оспаривается другими исследователями [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 188], определение советской паспортной системы как «нового крепостничества», сформулированное и обоснованное в работах В. Попова [1996], Х. Кесслера [Kessler, 2001], В. Гольдмана [2005] и др., вызывает критику. Так, российский специалист в области истории права А. Ю. Тарасов, усилиями которого в научный оборот введено значительное количество ведомственного делопроизводства НКВД и милиции в сфере паспортизации, считает, что интерпретировать советскую паспортную систему как новое издание «крепостничества» нет оснований в первую очередь потому, что на фоне ее введения имел место резкий рост населения городов, а отток населения из городов, характерный для начального этапа кампании, оказался краткосрочным и был быстро компенсирован новыми волнами миграции. Кроме того, ряд авторов указывает на то, что советская паспортная система сыграла важную роль с точки зрения государственного управления и обеспечения безопасности [Тарасов, 2005, с. 1]. Оспаривается также устоявшееся мнение о введении запрета на миграцию из села в город, поскольку это в корне противоречило задачам модернизации и поставило бы под угрозу индустриализацию [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 133]. Следует, однако, отметить, что выборочное введение паспортной системы продемонстрировало наличие своеобразной иерархии стратегических приоритетов в СССР, в том числе в плане управления и развития регионов, территорий и городов. Большинство специалистов считает, что советская паспортная система была введена по причине того, что массовое разорение деревни и последовавшая люмпенизация огромного количества населения привели к неконтролируемой миграции в города и обострению продовольственной проблемы.

На данный момент остаются актуальными такие вопросы, как выяснение обстоятельств введения паспортной системы, выявление ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ географических аспектов распространения, практики осуществления полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияние на криминогенную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. Эта тема нуждается в тщательном изучении, как и анализ видов режимов и режимной повседневности, не с позиций идеологии и власти, а в контексте регламентов и практик [Режимные люди..., 2009].

Паспортизация городов, в первую очередь Москвы и Ленинграда, по понятным причинам вызывает обоснованный интерес исследователей. При этом исследований, посвященных паспортизации в других городах, в том числе в столицах союзных республик, крайне мало [Потемкина, Кузнецова, 2014; Байбурин, 2017; Меерович, 2008, Аблажей и др., 2025]. В рамках тематики статьи наибольший интерес представляет работа казахстанского специалиста Е. М. Грибановой [2013], фрагментарно затрагивающая паспортизацию Алма-Аты.

Основная научная проблема, на решение которой направлено наше исследование, состоит в выявлении специфики советской паспортной системы в различных регионах страны и введении классификации режимного и нережимного статусов столичного города. Столицы имели особый статус, однако тема «столица союзной республики как режимный город», на наш взгляд, нуждается в масштабном изучении, в том числе с точки зрения выявления и анализа эмпирической информации. Представляет интерес в этой связи феномен переноса столиц. Так, перенос столицы Казахстана (четыре раза за сто лет) можно объяснить не только геополитическими, политическими и экономическими причинами, но также изменением размеров или границ региона [Крылов М., Крылов П., 2013]. Цель данной статьи – выявление основных этапов трансформации места и роли Алма-Аты в политико-географическом пространстве СССР и Казахской автономии в 1930-е гг. в контексте сравнительного анализа столичного и режимного статусов.

Использованные источники по истории переноса столицы и паспортизации Алма-Аты включают в себя в первую очередь нормативно-правовые документы, а также ведомственное делопроизводство. Среди нормативных документов наибольшую информативную ценность имеют решения как партийных инстанций, так исполнительной власти разного уровня. Используются решения таких партийных инстанций, как Политбюро ВКП(б), Казкрайком ВКП(б), Алма-Атинский горком, и исполнительной власти – СНК СССР, СНК КАССР, горисполком г. Алма-Аты. Материалы союзного и республиканского уровня отложились в центральных архивах России и Казахстана (ГА РФ, РГАСПИ) и Архиве Президента РК (г. Алма-Ата). Для анализа сущности и конкретизации государственной политики на местном городском уровне использованы материалы Алма-Атинского горсовета и Алма-Атинского горкома, отложившиеся в Государственном архиве г. Алматы (ГАА).

На данный момент доступным для исследователей является и большой комплекс документов ОГПУ–НКВД СССР, которые отложились в разных фондах ГА РФ. Аналогичные комплексы сохранились и в архивах Казахстана, а именно в Архиве Президента РК и Специальном государственном архиве МВД РК. В частности, ход паспортизации г. Алма-Аты в 1933 г. нашел отражение в специальных сводках и сводных отчетах милиции. Особый интерес в плане анализа репрессий по паспортным основаниям представляют протоколы внесудебных инстанций – троек – за 1933–1934 гг. и 1935–1938 гг., недавно переданные на государственное хранение из ведомственных архивов в Архив Президента РК и Национальный архив РК. В плане анализа учета городского населения и миграции, в том числе г. Алма-Аты, значительный информационный ресурс дают не только общесоюзные, но и городские переписи населения, а также материалы статистики органов народно-хозяйственного учета, плановых отделов и милиции. Эвристические возможности разных видов источников, сопоставление данных из документов власти и ведомственного делопроизводства разной направленности, в том числе имевших гриф секретности, позволяют углубить понимание места и роли Казахской автономии и ее новой столицы Алма-Аты в системе региональной и союзной власти благодаря выявлению целей, методов и средств реализации учета городского населения и миграционных потоков, конкретизировать задачи, этапы и алгоритм кампании по паспортизации, в том числе механизм присвоения городу режимного статуса [Аблажей и др., 2025].

Вопрос о столице казахской автономии встал в 1924 г., когда обсуждалось территориальное размежевание в Центральной Азии, и оставался актуальным все 1920-е гг. Напомним, что первоначально функции административного центра автономии выполнял г. Оренбург, до тех пор пока Оренбургская губерния не была выведена из состава Казахстана. В отличие от Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, статус Киргизской (Казахской) АССР не был повышен до уровня союзной республики, хотя в связи с упразднением Туркестанской автономии часть ее территории отошла КАССР. В среде казахской элиты не было полного единодушия относительно столицы, рассматривались различные варианты, но было понимание, что главный город республики территориально должен находиться скорее на юге.

В качестве будущей столицы рассматривались несколько южных городов автономии, а именно Перовск (бывш. Ак-Мечеть), Казалинск, Аулие-Ата (совр. Тараз) и Алма-Ата (бывш. Верный). В декабре 1924 г. был сделан выбор в пользу г. Ак-Мечеть, переименованный в 1922 г., ставший на короткое время столицей КАССР². В апреле 1925 г. по решению V Съезда Советов Киргизской (Казахской) АССР г. Ак-Мечеть был переименован в г. Кызыл-Орда (Красная орда), одновременно произошла и смена названия республики – из Киргизской она стала Казахской АССР. Для обустройства столицы союзное правительство выделило значительные средства (7 млн руб.), но уже в феврале 1927 г. там же, в Москве, принимается решение о переносе столицы автономии в г. Алма-Ата. 3 марта 1927 г. это решение было оформлено постановлением Казахского ЦИКа и СНК КАССР, а затем утвержде-

² ГАА. Ф. 174. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 – 21 об.

но 6-м Всеказахстанским съездом Советов [Жалмагамбетов, 2013]. Перенос столицы в Алма-Ату аргументировался поспешностью прежнего выбора, экономическими трудностями и естественноисторическими причинами. В противовес Кызыл-Орде Алма-Ата подавалась как полноценный город, который в ближайшем будущем в связи со строительством Туркестано-Сибирской железной дороги станет важнейшим перевалочным пунктом между республиками Центральной Азии и Сибирью, связав регионы северного и южного Казахстана.

Хотя решение о начале переноса столицы правительственной комиссией было принято еще 27 марта 1927 г., реальные шаги стали возможны только осенью 1928 г., когда поступили первые целевые деньги из Москвы³. При этом первоначальный бюджет в 3 млн был урезан до 1 млн руб.⁴ Как констатировалось позднее в отчетном докладе по развитию города за 1933 г. Алма-Атинского городского совета в СНК РСФСР, задача – превращение «отсталого мещанского города» (или «большого села» – такая формулировка также встречается в данном документе. – Н. А., А. Ж.) в столицу отдаленной национальной автономии, территория которой составляла 15 % территории РСФСР⁵. Алма-Ата была столицей Казахстана почти семь десятилетий: с 1929 по 1936 г. – Казахской АССР в составе РСФСР; с 1936 по 1991 г. – Казахской ССР; с 1991 по 1997 г. – Республики Казахстан.

Военная крепость Верный была основана в 1854 г. В 1856 г. она стала центром Алатауского округа, а летом 1867 г., в связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя Сырдарьинскую и Семиреченскую области, Верный стал центром Семиреченской области. С 1891 г. область перешла в подчинение Степного генерал-губернаторства, а с 1898 г. – Туркестанского генерал-губернаторства. 5 февраля 1921 г. Семиреченский областной революционный комитет принял решение о переименовании г. Верный в Алма-Ату, что соотносилось с топонимикой местности. Горсовет в Алма-Ате был учрежден Джетысуйским губгорисполкомом советов в марте 1926 г.⁶, а Алма-Атинская область была создана только в 1932 г.

Город Верный состоял из Большой и Малой Алматинской станиц. Большая Алматинская станица находилась на левом берегу р. Малой Алматинки возле Верненской крепости. Уже в 1860 г. произошло разделение территории вокруг крепости на два поселения, из которых: южное названо Большой Алматинской станицей, а северное – Малой Алматинской. В состав Малой станицы в 1927 г. входили хутора Казенная роща и Бутаковский, районы Порт-Артур, Новая слобода и Татарская слобода (Татарка). В 1930 г. к с. Малая станица территориально был отнесен колхоз «Луч Востока», образованный в 1929 г. в составе Илийского (затем Талгарского) района Алма-Атинской области. В 10 км от города находился пристанционный поселок линейной станции Турксиба, который в декабре 1930 г. стал частью г. Алма-Аты. В Малом Алматинском ущелье возникла зона правительственных дач и домов отдыха: «Медео», «Каменское плато» и «Алма-Араксан». На 1933 г. селитебная территория города составляла 2,2 тыс. га, а за 10 лет ее планировалось увеличить до 3,5 тыс. га, с разделением северной и южной частей лесопарковой зоны в зоне повышенной сейсмичности. Согласно паспорту города 1935 г., 1,2 тыс. га от 4,4 тыс. га земель в пределах городской черты было занято под огороды, сады и сенокосы⁷. Так как северная часть города была заболочена, то в ней в основном располагалась промзона. В 25-километровом приграничном радиусе столицы предусматривалось создание колхозов, ориентированных на снабжение городского населения продовольствием⁸.

В связи с принятым решением о переносе столицы и на основании циркуляра НКВД от 30 октября 1926 г. Алма-Атинский горсовет 2 июня 1927 г. провел первую инвентаризацию

³ ГАА. Ф. 174. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 – 21 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 476. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

⁷ АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 40. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 35–36.

городских домовладений и их перенумерацию, которые дали старт процессу прописки городского населения. Правительство республики переехало в новую столицу в 1928–1929 гг. С этого времени начинается приток населения и бурное строительство в старой части города. В частности, только переезд правительства привел к росту населения города сразу на пять тысяч человек. Если на начало 1929 г. здесь официально проживало 48,3 тыс. чел., то в конце года было зарегистрировано уже 71 тыс. чел.⁹ В марте 1932 г. горсовет принимает решение об обязательной прописке в г. Алма-Ата, в рабочем поселке при ст. Алма-Ата и в п. Малая Станица, мотивируя это необходимостью учета населения¹⁰. Данное решение в полном объеме вводило норму, принятую на союзном уровне еще в 1925 г., об обязательной прописке в городских поселениях. Хотя сама процедура носила уведомительный характер, ее введение позволило сначала фиксировать, а потом и контролировать движение населения по стране [Моисеенко, 2018, с. 129]. В январе 1929 г. в Алма-Ате был введен запрет на проживание ссыльных. С 1930 г. в городе находилось Управление Туркестано-Сибирской железной дороги, одной из главных строек первой пятилетки, что еще более повышало столичный статус города. Есть сведения, что в 1932 г. вновь обсуждался вопрос о переносе столицы, но никаких решений по этому вопросу принято не было.

С переносом столицы началось активное строительство, в основном в старой части города. Несмотря на высокие темпы развития, не удавалось быстро решить такие острые вопросы, как недостаток жилья, слабый уровень городской инфраструктуры, прежде всего канализации и водоснабжения, благоустройство, высокий уровень заболеваемости малярией, достигавший среди горожан 60 %. Часть жилого фонда была обобществлена (точнее – изъята) или выкуплена, а затем передана под административные здания и производственные помещения. На начало 1932 г. в городе насчитывалось почти 7,5 тыс. одноэтажных мелких домов и только 55 двухэтажных¹¹. На одного горожанина приходилось только 2,3 кв. м жилья; из 215 км городских улиц только 12 км числились замощенными. На 80 % городской территории отсутствовал водопровод, большинство населения использовало арычную воду, а в зимнее время пользовалось талой водой. Специфической особенностью города была высокая сейсмичность и постоянная угроза схода селей катастрофического характера. Напомним, что город пережил катастрофические разрушения в связи с землетрясением 1897 г. и селявым потоком 1921 г., вследствие чего строительство защитной дамбы было одним из приоритетов городского руководства.

Население города в период 1926–1939 гг. выросло с 48,3 тыс. до 264,5 тыс. чел. По переписи 1930 г., численность населения была 93 тыс. чел., а спустя два года – уже 132,6 тыс. чел. [Омарова и др., 2025, с. 117]. Суммарный приток населения в Алма-Ату за 1930–1933 гг. составил 124,6 тыс. чел., и миграционный прирост – 81,1 тыс. чел. Две трети потока дали прибывшие из разных городов СССР, треть – из сельской местности. Общее число прибывших в Алма-Ату в 1929–1938 гг. оказалось 396,6 тыс. чел., число выбывших – 180,5 тыс. чел. Механический прирост был равен 216,1 тыс. чел., при этом наименьший прирост городского населения отмечался в 1934 (4,1 тыс. чел.) и 1938 гг. (8,9 тыс. чел.) [Там же], что было в три-четыре раза ниже миграционного прироста в другие годы. Как нам представляется, такое резкое уменьшение числа приезжих стало следствием паспортизации и введения статуса режимного города. Казахская столица изначально была русскоязычным городом. Согласно городской переписи 1930 г., только 6,5 % горожан составляли казахи, около 55 % были записаны русскими и 8,8 % – уйгурами. В 1935 г. доля казахов сильно выросла, до 24 %, на долю лиц европейских национальностей приходилось 69 %. К концу десятилетия ситуация вновь изменилась: доля русских составляла 72 %, казахов – 11 % [Там же].

Прирост населения крупных городов, начавшийся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившийся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсив-

⁹ ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 188. Л. 70, 136, 138.

¹⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 11. Д. 14. Л. 109–113.

¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 476. Л. 6–7.

ным промышленным строительством, не мог не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалась установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. Например, неконтролируемая миграция в города обострила проблему снабжения. В качестве решения было предложено усилить государственный контроль за притоком населения в городские поселения. Таким образом, на начальном этапе главной задачей паспортной системы стала «разгрузка» городов от маргинального и люмпенизированного населения [О введении..., 1933, с. 1–5].

В 1932–1933 гг. в СССР началась частичная паспортизация населения. Вводилось ранжирование территорий страны, и определялась очередность кампании. Зимой-весной 1933 г. 30 городов страны получили «режимный» статус (решение принималось особым постановлением СНК СССР), и паспортизация в них проходила в ускоренном порядке, ее завершение планировалось на лето 1933 г. Вслед за паспортизацией режимных городов в 1933–1934 гг. аналогичную кампанию провели в городах и поселениях городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе «нережимных». Согласно постановлениям СНК СССР от 3 и 5 февраля 1933 г., введившим очередность паспортизации, Казахская АССР попала только в третью волну. Паспортизацию здесь планировалось начать осенью 1933 и завершить к осени 1934 г. Для Казахстана изначально были сделаны исключения по срокам паспортизации, которые к тому же постоянно сдвигались. Республика, с одной стороны, демонстрировала высокие темпы урбанизации и индустриализации, с другой – оказалась зоной гуманитарной катастрофы и вынужденных миграций, обусловленных коллективизацией и голодом.

Первые кампании по выселению «лишнего» населения из городов прошли еще до начала паспортизации. В мае 1932 г. с санкции Полномочного Представительства ОГПУ Казахской АССР милиция провела кампанию по ликвидации беспризорности и нищенства¹², которая стала, по сути, кампанией по выселению «чуждого элемента» из столицы. В ходе операции было задержано 1 054 чел. и по итогам проверки 994 чел. поставлены на оперативный учет. Из общего числа задержанных освобождено около 12 %, осуждено – 12 %, на работу в колхозы направлено 73 %, остальные были переданы социальным медицинским службам¹³.

Есть данные, что первое решение о паспортизации города Алма-Атинским Горсоветом было принято уже 27 января 1933 г. Им предписывалось начать кампанию с 5 марта 1933 г. Однако это решение быстро было аннулировано, а председатель горсовета Поздняков снят с должности [Грибанова, 2013, с. 91–92]. Только 5 мая 1933 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 марта 1933 г. Казкрайком ВКП(б) принял решение о начале паспортизации населения автономии. В Алма-Ате и еще шести крупных городах она осуществлялась в первую волну. Паспортизации подлежало население столицы с учетом станиц, входивших в городскую черту¹⁴. В рамках подготовки к паспортизации 11 августа 1933 г. бюро Алма-Атинского горкома распорядилось провести среди совпартактива разъяснительную работу о политическом значении введения паспортной системы в СССР. Но и после нее бюро констатировало, что не только руководители предприятий города, но и многие коммунисты недооценивают «назначение этого важнейшего политического мероприятия, направленного на очистку учреждений, предприятий и города от классово-чуждых элементов»¹⁵.

В рамках подготовки к паспортизации в августе 1933 г. была проведена срочная перерегистрация всех домовладений в городе¹⁶. В сентябре силами милиции и совпартактива провели декадник проверки прописки / выписки по домовым книгам¹⁷. В городе создали Центральное адресное бюро, которое должно было обеспечить точный учет населения Алма-Аты. Про-

¹² АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 3а. Л. 43.

¹³ ГАА. Ф. 174. Оп. 19. Д. 1. Л. 211–212.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 42.

¹⁵ Там же. Д. 313. Л. 92–93.

¹⁶ ГАА. Ф. 174. Оп. 12. Д. 476. Л. 23.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 313. Л. 34; ГАА. Ф. 174. Оп. 20. Д. 4. Л. 116.

блемным был учет населения в районах самовольной застройки. Так называемый «Копай-Город» в районе Малого Алматинского ущелья насчитывал 420 землянок, представляя собой три самостоятельных поселка: «Нахаловка», «Новая Москва» и «Новый Ленинград».

Согласно первоначальным планам, паспортизация в Алма-Ате должна была пройти с 5 октября по 25 ноября 1933 г.¹⁸ 9 октября в «Казахстанской правде» были опубликованы локации паспортных пунктов. Всего в городе насчитывалось 14 таких пунктов, четыре из которых располагались в прилегающей сельской местности, отнесенной к городской черте. По ходу паспортизации было дополнительно открыто еще несколько паспортных пунктов. Паспорта выдавали также на всех шести предприятиях города: типографии № 1, обувной, шорной и табачной фабриках, кожевенном заводе и фабрике «Книга»¹⁹. Здесь выдачу паспортов провели всего за неделю – с 15 по 23 октября. Документы получили 1 631 чел., из которых 1 368 были непосредственно рабочими и служащими предприятий²⁰.

Особенно сложно шла паспортизация на окраинах города. Входивший в состав города Мало-Станичный сельсовет задержал на несколько дней выдачу паспортов проживающим на его территории рабочим и служащим, отказавшись заверять стандартные справки о социальном положении²¹. В районе Татарской слободки и колхоза «Луч Востока» были организованы передвижные паспортные пункты, поскольку население было территориально сильно рассеяно и занято на сельскохозяйственных работах. Как следствие, в отведенный срок паспортизировать столицу не удалось, и кампанию продлили на весь 1934 г. 27 мая 1934 г. Казкрайком принимает решение о второй волне паспортизации автономии, в которую попадают совхозы, МТС и рабочие поселки Алма-Атинской области. Здесь паспортизацию планировалось провести в период с 1 сентября по 15 ноября 1934 г.²² По мнению начальника Управления милиции КАССР, основной акцент был сделан на документирование населения паспортами, но эффективной системы учета социально-чуждого элемента, за исключением бывших баев и кулаков, сделать так и не удалось²³.

В отчете за август 1934 г. паспортный отдел ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу констатировал, что кампания по паспортизации проведена в стране в установленные сроки, за исключением трех национальных автономий – Каракалпакской, Якутской и Казахской АССР. При этом следует заметить, что к этому времени из столиц национальных автономий удалось завершить паспортизацию только Уфе (Башкирская АССР) и Казани (Татарская АССР)²⁴. Власти республик и регионов стремились получить разрешение Москвы на присвоение административному центру статуса режимного города, что позволяло за счет более жесткого паспортного режима провести выселение «лишнего» населения и решить проблему несанкционированного роста численности городских жителей. При этом далеко не всем городам удавалось привести основательные аргументы в пользу такого решения и тем более получить режимный статус.

Руководство казахской автономии в лице Казахского крайисполкома ВКП(б) уже в 1933 г. обратилось в Политбюро ВКП(б) с инициативой об изменении статуса г. Алма-Ата с обычного на режимный, аргументируя это тем, что город является столицей автономной республики, находится на приграничной территории и в нем расположена узловая станция Туркестано-Сибирской железной дороги. В качестве дополнительного аргумента руководство автономии и города ссылалось на «чрезвычайную засоренность» города «пришлым социально-чуждым люмпенизированным контингентом»²⁵. Политбюро в ноябре 1934 г. эту просьбу отклонило. Новая волна подобных обращений, в том числе и от Казахского ЦК партии, отно-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 43

¹⁹ ГАА. Ф. 174. Оп. 12. Д. 10. Л. 66 – 66 об.

²⁰ Там же. Оп. 20. Д. 3. Л. 147–150.

²¹ Там же. Л. 134–135.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21/1. Д. 1298. Л. 120–121.

²³ ГА АО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 907. Л. 27.

сится уже к 1935 г.²⁶ и последующим 1936–1937 гг., но лишь в 1938 г. Алма-Ата получила статус режимного города²⁷.

На 20 декабря 1933 г. паспорта в Алма-Ате получили только 26,3 тыс. чел.²⁸ Годовые паспорта и временные удостоверения выдавались в основном отходникам, занятым на производстве. В январе 1934 г. милиция объявила о порядке обмена временных удостоверений, выдаваемых сезонным рабочим, при условии письменных ходатайств со стороны предприятий и учреждений (Казахстанская правда. 1934. 20 янв.). Прописывали только тех, кто имел паспорт или временное удостоверение, но точные данные о количестве паспортизированных в течение 1933–1934 гг. пока не известны.

При проведении паспортизации в Казахстане возникло несколько острых проблем. Во-первых, зачастую отсутствовали каких-либо документы. В этой связи при паспортизации коммунистов и комсомольцев из числа казахов, не имевших каких-либо документов, рекомендовалось требовать справки-выписки из учетных дел в партийно-комсомольских организациях, на производстве – от профсоюзов, а также в сельсоветах. Разрешалось прибегать к медицинскому освидетельствованию для уточнения возраста. Обязательным для лиц призывного возраста стало требование встать на воинский учет²⁹. Кроме того, паспорта в Казахстане, как и в других союзных и автономных республиках, заполнялись на двух языках, в данном случае – на русском и латиницей на казахском. Но в силу нехватки грамотных национальных кадров, острая потребность в которых ощущалась повсеместно, заполненные на русском языке паспорта в целом ряде случаев не выдавались населению, потому что некому было сделать запись на казахском³⁰. При обмене паспортов в 1940 г. также делалась запись как на русском, так и на казахском, но уже с использованием кириллицы.

Сразу после паспортизации милиция провела рейды в районе Малого Алматинского ущелья. Было установлено, что в землянках проживает 1 122 чел., из них паспорта имелись у 312 чел., на иждивении которых находилось 559 чел., не имели паспорта 73 чел., на иждивении которых было 178 чел. Из 1 122 чел. официально работающими числились 321 чел., 64 чел. нигде официально не работали. Оставшиеся 737 чел. числились иждивенцами. Среди проживающих насчитали 50 семей баптистов и евангелистов³¹. Однако на тот момент оснований к выселению их из города у властей не нашлось. Вскоре последовало указание в течение осени 1934 г. и весны 1935 г. провести переселение всего самовольно поселившегося населения на окраину города. Переселение самовольных застройщиков на отведенные Горкомхозом участки проводилось одновременно с проверкой паспортов³². Под индивидуальную застройку было отведено 75 га, переселяемым выделялись небольшие участки в 6,3 сотки с требованием начать строительство типового дома в течение двух месяцев, в противном случае земля изымалась.

Первая волна паспортизации Казахской АССР была завершена весной 1935 г., по ее итогам паспорта получила лишь четверть населения автономии. В феврале 1935 г. прошла общесоюзная кампания по проверке паспортного режима на нережимных территориях. Основанием к ней стало ужесточение паспортного законодательства в связи с принятием ВЦИКом 1 июля 1934 г. дополнений в Уголовный кодекс об уголовной ответственности за повторное нарушение правил прописки на паспортизированных территориях. Они предусматривали наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев. Проживание без паспорта или временного удостоверения каралось лишением свободы на срок до двух лет³³. С 15 по 25 февраля 1935 г. в Алма-Ате прошел декадник проверки паспортного режима,

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 27.

²⁷ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 128.

²⁸ Подсчитано по: ГАА. Ф. 174. Оп. 20. Д. 3. Л. 122 – 122 об., 200, 209.

²⁹ ГА АО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

³⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 19. Д. 1. Л. 211–212.

³¹ Там же. Оп. 15. Д. 133. Л. 24.

³² Там же. Оп. 13. Д. 62 Л. 33.

³³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 8. Л. 2.

в котором, помимо милиции, участвовало 150 активистов. Город был разбит на 26 оперативных участков, а формат проведения напоминал спецоперацию. По итогам декадника наложили взыскания на 2 743 чел., в том числе на лиц, не имевших паспортов, – 813 чел., за просроченные паспорта и временные удостоверения – 521 чел., не прописанных в домовых книгах – 1 334 чел., «выдворены» из города 435 чел., осуждены 17 чел., а общая сумма наложенных штрафов составила почти 61 тыс. руб.³⁴

В 1935–1936 гг. в СССР начался обмен паспортов, выданных в 1933–1934 гг. В режимных местностях он проводился на основании приказа НКВД СССР № 00279 от 1 августа 1935 г., а в нережимных – на основании приказа НКВД СССР № 019 от 22 августа 1936 г.³⁵ В последних обмен планировали завершить к лету 1937 г.³⁶ Обмен паспортов в Алма-Ате вновь спровоцировал проверку домовладений на территории Малого Алматинского ущелья, где были построены государственные дома отдыха и персональные дачи. Одновременно эта территория, в административном отношении относившаяся к Горно-Октябрьскому сельсовету, активно осваивалась теми, для кого Алма-Ата была закрыта. В письме начальника Хозуправления ЦИК и СНК от 3 декабря 1936 г. в СНК КАССР констатировалось, что «не приняв меры, мы скоро встанем перед фактами массового заселения ущелья людьми полудеклассированными, беспаспортными»³⁷. В результате милиция получила указание провести выселение всех беспаспортных.

5 декабря 1936 г. из состава РСФСР была выведена Казахская АССР и ей был придан статус союзной республики под названием Казахская ССР. 27 марта 1938 г. Совнарком СССР принял постановление «О выдаче паспортов в г. Алма-Ата», ставшее итогом многочисленных обращений местных властей об изменении статуса города на режимный. Согласно этому решению, город был включен в перечень местностей, в которых выдача паспортов производилась на основании утвержденной СНК СССР 14 января 1933 г. инструкции «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова». На территории Алма-Аты вводился паспортный режим, основанный на ограничениях не только для лиц определенных категорий, но также для отбывших наказание и ссылку по многим уголовным и большинству политических статей Уголовного кодекса. Аналогичный статус в августе 1941 г. получил второй по численности населения город республики – Чимкент [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 191].

Постановление ЦК КП(б)К «О введении паспортного режима в городе Алма-Ата» от 23 апреля 1938 г. предписывало провести «очистку города Алма-Ата от кулацких, бежавших, бандитских и иных элементов». В развитие этого решения Начальнику управления милиции УНКВД Казахской ССР было дано указание обеспечить соблюдение паспортного режима в городе³⁸. В режимных городах отказниками по паспорту и прописке считались лица, занятые на производстве, но приехавшие без разрешения, лишённые избирательных прав, ссыльные и раскулаченные, бывшие осужденные и перебежчики, а также все, кто не имел жилья. Всем этим группам лиц предписывалось выехать из города, а в случае отказа следовала высылка. В связи с введением паспортного режима в городе провели кампанию по проверке наличия прописки у всего населения, во всех домовладениях вводились новые домовые книги. Отыне в паспорта обязательно следовало клеивать фотографию, в рамках этой процедуры вновь идентифицировалась личность и осуществлялась проверка социального статуса

³⁴ АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 140. Л. 67–68.

³⁵ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 191. Л. 19–22.

³⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 18.

³⁷ ГАА. Ф. 174. Оп. 23. Д. 18. Л. 38.

³⁸ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 128.

и наличия судимости³⁹. Режимный статус потребовал выделения дополнительных средств из республиканского и городского бюджета⁴⁰.

Принятие решения о режимном статусе Алма-Аты спровоцировало усиление репрессий на завершающем этапе Большого террора, что совпало с общесоюзной кампанией в отношении «злостных нарушителей положения о паспортах», начатой НКВД в связи с принятием приказа от 21 мая 1938 г. Активизировались и милицейские тройки, созданные еще в 1935 г. Приказ НКВД предписывал тройкам максимально широко использовать высылку из городов в нережимные местности и заключение в лагеря на срок до 5 лет. Итогом стало массовое внесудебное осуждение за первичное нарушение обязательства о выезде из режимной местности на срок до трех лет и пятилетнее за повторное нарушение. Только за период с 28 июня по 3 ноября 1938 г. Алма-Атинская милицейская тройка осудила 587 чел.⁴¹

В 1939 г. отселения из Алма-Аты были проведены в рамках двух общесоюзных кампаний, инициированных НКВД СССР: «зачистки узловых железнодорожных пунктов 38 важнейших дорог страны» и в связи с принятием нового «Положения о паспортах» 1938 г. [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 133, 184]. В сентябре 1939 г. в городе было проверено 10 322 домовладения, в которых выявлен 181 беспаспортный, 1 244 чел., проживающих без прописки, 5 025 детей, не вписанных в домовые книги, 3 261 ребенок, не вписанный в паспорта родителей, 5 506 жителей, не выписанных из домовых книг, 56 чел. с просроченными паспортами. За нарушение паспортного режима в течение 1939 г. привлечено к уголовной ответственности 32 чел., подвергнуто штрафу 3 318 чел.⁴² Продолжилась и практика выселений. Так, 19 мая 1940 г. Горсовет принял решение о сносе в радиусе 3 км от железнодорожных путей временных жилых построек (землянок), самовольно построенных вблизи железной дороги и железнодорожных станций Алма-Ата I и Алма-Ата II. На отселение отводился месяц, в отношении лиц, не имевших паспортов, милиция оформляла предписания о выселении из города⁴³.

В соответствии с новым Положением о паспортах, утвержденным постановлением СНК СССР от 10 октября 1940 г. за № 1667, Алма-Ата получила статус режимного города второй категории. В отличие от режимных городов 1-й категории⁴⁴, здесь разрешалось проживание лицам, отбывшим наказание не по политическим статьям. Начало войны привело к ужесточению паспортного режима. Прошли кампании по прописке эвакуированного населения, начато документирование лиц, депортированных с новых западных территорий и Кавказа.

В целом в 1930-е гг. Алма-Ата пережила значительный приток населения, с одной стороны, связанный с голодом, с другой – обусловленный интенсивной индустриализацией и городским строительством. Для Алма-Аты паспортизация 1933–1934 гг. не стала инструментом регулирования численности населения, в частности не повлияла на его прирост, хотя и позволила провести несколько кампаний по ликвидации несанкционированных поселений и выселению с городских окраин и из рекреационных зон Малого Алматинского ущелья. Тем не менее избежать маргинализации окраинных районов города не удалось. В ходе подготовки и проведения паспортизации не удалось создать полноценную систему учета деклассированного и уголовного элемента, а также иностранцев, позволившую бы контролировать эти группы населения. Получение в 1938 г. статуса режимного города обеспечило возможность введения более жесткого паспортного режима, ставшего основанием для проведения массовых проверок паспортов и прописки у городского населения. Репрессивные кампании в отношении нарушителей паспортного режима в Алма-Ате относятся к 1937–1939 гг., став частью политических репрессий. Несмотря на то что этот крупнейший в советской Центральной Азии город стал столицей, он оставался периферией, о чем свидетельствовали тем-

³⁹ СГА МВД РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 116.

⁴⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 28. Д. 17. Л. 55–56.

⁴¹ Подсчитано по: НА РК. Ф. 215. Оп. 5 Д. 22.

⁴² ГАА. Ф. 174. Оп. 15. Д. 34. Л. 35.

⁴³ Там же. Оп. 28. Д. 24. Л. 5, 9.

⁴⁴ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 213. Л. 75.

пы паспортизации, долгое отсутствие статуса режимного города и несоответствие реального положения дел уровню столицы союзной республики. Алма-Ата оказалась единственной из столиц союзных республик, чей реальный административный статус соответствовал уровню областного центра.

Список литературы

- Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Потапова Н. А.** Паспортизация в Казахстане в 1932–1940 гг.: историография, источники и алгоритм кампании // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2025. Т. 30, № 1 (117). С. 39–50.
- Байбурин А. К.** Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Европ. ун-т, 2017. 488 с.
- Биксби П.** Паспорт: культурная история от древности до наших дней. СПб.: Livebook, 2025. 400 с.
- Гольдман В.** Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1. С. 72–92.
- Грибанова Е. М.** Из истории паспортизации граждан Казахской ССР и г. Алма-Аты в 1930 гг. // Роль архивов в современном обществе (материалы международной научно-практической конференции). Алматы, 2013. С. 87–97.
- Жалмагамбетов Е. А.** Из истории строительства столицы Казахстана города Кызылорды: первый опыт и ход строительства // Вестник КазНПУ. 2013. № 2 (37). С. 173–180.
- Крылов М. П., Крылов П. М.** Многоцентрие и пространственная динамика центров регионов: опыт историко-географического моделирования и типологии // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования: Материалы конф. 28–29 октября 2013 г. М., 2013. 164 с.
- Малыгин А. Я., Тарасов А. Ю.** Паспортная система советского государства: становление и эволюция. Руза: Моск. обл. филиал МУ МВД России, 2012. 286 с.
- Меерович М. Г.** Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
- Моисеенко В.** Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 122–146.
- Муан Н.** Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 257–276.
- Омарова Г. А., Уалтаева А. С., Маргулан А. С.** Демографическое и социокультурное развитие города Алматы в 1854–1939 гг. // Отан тарихы. 2025. Т. 28, № 1. С. 105–123. DOI 10.51943/2788-9718_2025_28_1_105-123
- Попов В. П.** Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 96–112.
- Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.** Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 167–174.
- Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.
- Тарасов А. Ю.** Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 166 с.
- Kessler G.** The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde Russe. 2001. Vol. 42, no. 2. P. 477–504.
- Moine N.** Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du monde Russe. 1997. Vol. 38, no. 4. P. 587–600.

Список источников

Казахстанская правда. 1934. 20 янв.

- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
- О введении единой паспортной системы в СССР: законодательные и директивные материалы. М.: Сов. законодательство, 1933. 23 с.

References

- Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S., Potapova N. A.** Paspportizatsiya v Kazakhstane v 1932–1940 gg.: istoriografiya, istochniki i algoritm kampanii [Introduction of the Passport System in Kazakhstan in 1932–1940: Historiography, Sources and Campaign Algorithm]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya “Istoriya. Filosofiya”* [Bulletin of the Karaganda University. History, Philosophy Series], 2025, vol. 30, no. 1 (117), pp. 39–50. (in Russ.)
- Baiburin A. K.** Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki [The Soviet Passport: History – Structure – Practices]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet, 2017, 488 p. (in Russ.)
- Bixby P.** Pasport: kul’turnaya istoriya ot drevnosti do nashikh dnei [The Passport: The Cultural History from Antiquity to the Present Day]. St. Petersburg, Livebook Publ., 2025, 400 p. (in Russ.)
- Goldman W.** Proza o sovetskom pasporte: rabochie i svobodnoe pereselenie (konets 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) [Prose about the Soviet Passport: Workers and Free Resettlement (Late 1920s – Early 1930s)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2005, no. 1, pp. 72–92. (in Russ.)
- Gribanova E. M.** Iz istorii pasportizatsii grazhdan Kazakhskoi SSR i g. Alma-Aty v 1930 gg. [From the History of Passportization of Citizens of the Kazakh SSR and the City of Alma-Ata in the 1930s]. In: Rol’ arkhivov v sovremennom obshchestve (materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii) [The Role of Archives in Modern Society (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference)]. Almaty, 2013, pp. 87–97. (in Russ.)
- Kessler G.** The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du monde Russe*, 2001, vol. 42, no. 2, pp. 477–504.
- Kondratieva T. S., Sorokina A. K.** (eds.). Rezhimnye lyudi v SSSR [Regime People in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 367 p. (in Russ.)
- Krylov M. P., Krylov P. M.** Mnogotsentrie i prostranstvennaya dinamika tsentrov regionov: opyt istoriko-geograficheskogo modelirovaniya i tipologii [Polycentrism and Spatial Dynamics of Regional Centers: The Experience of Historical-Geographical Modeling and Typology]. In: Perenos stolitsy: Istoricheskii opyt geopoliticheskogo proektirovaniya. Materialy konferentsii 28–29 oktyabrya 2013 g. [Transfer of the Capital: Historical Experience of Geopolitical Planning. Conference Proceedings, October 28–29, 2013]. Moscow, 2013, pp. 62–69. (in Russ.)
- Malygin A. Ya., Tarasov A. Yu.** Paspportnaya sistema sovetskogo gosudarstva: stanovlenie i evolyutsiya [The Passport System of the Soviet State: Formation and Evolution]. Ruza, Moskovskii oblastnoi filial MU MVD Rossii, 2012, 286 p. (in Russ.)
- Meerovich M. G.** Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud’mi (1917–1937 gody) [Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 303 p. (in Russ.)
- Moiseenko V.** Migratsiya iz sel’skoi mestnosti v gorodskie poseleniya v SSSR v 1920-e gody [Rural-Urban Migration in the USSR in the 1920s]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2018, vol. 5, no. 2, pp. 122–146. (in Russ.)
- Moine N.** Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l’identité sociale. *Cahiers du monde Russe*, 1997, vol. 38, no. 4, pp. 587–600.
- Moine N.** Vnutrisoyuznye granitsy grazhdanstvennosti: territorial’noe vyrazhenie diskriminatsii v Sovetskom Soyuze cherez pasportnyuyu sistemu [Intra-Union Borders of Citizenship: Territorial Expression of Discrimination in the Soviet Union through the Passport System]. In: Rezhimnye lyudi v SSSR [Regime People in the USSR]. Moscow, 2009, pp. 257–276. (in Russ.)
- Omarova G. A., Ualtaeva A. S., Margulan A. S.** Demograficheskoe i sotsiokul’turnoe razvitie goroda Almaty v 1854–1939 gg. [Demographic and Sociocultural Development of the City

- of Almaty in 1854–1939]. *Otan tarikhy* [*History of the Motherland*], 2025, vol. 28, no. 1, pp. 105–123. (in Russ.) DOI 10.51943/2788-9718_2025_28_1_105-123
- Попов В. П.** Paspornnaya sistema sovetskogo krepostnichestva [The Passport System of the Soviet Serfdom]. *Novyi mir* [*New World*], 1996, no. 6, pp. 96–112. (in Russ.)
- Potemkina M. N., Kuznetsova I. V.** Paspornizatsiya gorodskogo naseleniya SSSR v 1930-kh gg. [Passport System of the Urban Population of the USSR in the 1930s]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*], 2014, no. 4 (46), pp. 167–174. (in Russ.)
- Tarasov A. Yu.** Paspornnaya sistema i pasportnyi rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX veka [The Passport System and Passport Regime in the Soviet State during the 1930s]. Diss. of Cand. Jur. Sci. Moscow, 2005, 166 p. (in Russ.)
- Zhalmagambetov E. A.** Iz istorii stroitel'stva stolitsy Kazakhstana goroda Kyzylordy: pervyi opyt i khod stroitel'stva [From the History of the Construction of the Capital of Kazakhstan, the City of Kyzylorda: The First Experience and the Course of Construction]. *Vestnik KazNPU* [*Bulletin of KazNPU*], 2013, no. 2 (37), pp. 173–180. (in Russ.)

List of Sources

- Kazakhstanskaya pravda [Kazakh Truth], 1934, Jan. 20. (in Russ.)
- Lavrentii Beriia. 1953. Stenogramma iyul'skogo plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty [Lavrentiy Beria. 1953. Transcript of the July Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents]. Ed. by acad. A. N. Yakovlev. Comp. by V. Naumov, Yu. Sigachev. Moscow, MFD, 1999, 512 p. (in Russ.)
- O vvedenii edinoi pasportnoi sistemy v SSSR: zakonodatel'nye i direktivnye materialy [On the Implementation of a Unified Passport System in the USSR: Legislative and Directive Materials]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1933, 23 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57207309210
WoS Researcher ID AAY-9828-2020
- Альбина Советовна Жанбосинова**, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 58870079400
WoS Researcher ID N-5002-2014

Information about the Authors

- Natalia N. Ablazhey**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57207309210
WoS Researcher ID AAY-9828-2020
- Albina S. Zhanbossinova**, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 58870079400
WoS Researcher ID N-5002-2014

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 16.06.2025
The article was submitted on 13.05.2025;
approved after reviewing on 05.06.2025; accepted for publication on 16.06.2025